

НАША СТРАНА

Год издания 76-й. Буэнос Айрес, 21 ноября 2023

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 21 de noviembre de 2023

No 3210

Проф. Иван Есаулов

ПОЭТИКА РУССКОГО МИРА ИВАНА ШМЕЛЁВА

К 150-летию со дня рождения писателя

Когда в последнее советское десятилетие разрешили наконец публикацию запрещенной ранее гуманитарной литературы, то из утайного от читателя русского наследия в первую очередь публиковались авторы, которые как-то аксиологически более подходили здешнему идеологическому мейнстриму, по-своему близкому западному леволиберальному кругу. Да и в целом для советско-постсоветской интеллигенции оказались ментально куда ближе Н. Бердяев и Вл. Набоков, нежели И. Ильин и И. Шмелёв (равно как и А. Сахаров, но отнюдь не А. Солженицын).

Причина не столько в «прогрессивности» первых и предполагаемой «консервативности» вторых, сколько в том, что там, где на передний план выдвигалось собственно русское, национальное, православное, оно если и не шельмовалось, то задвигалось в маргиналии. «Заветам Ильича» присягали в массе своей наши «шестидесятники», но в «перестройку» ими же вдохновлялись и её «прорабы» (достаточно вспомнить символическую ноябрьскую (№ 45) обложку журнала «Огонёк» за 1989 г. с большевиками-ленинцами, за вычетом разве что Сталина, которые апологетически подавались как «действующие лица» истории).

Тогда как всё исходящее от русского православия, включая и саму Российскую Империю с её героями, гениями и царями, было заведомо чуждо не только «мировой закулисе», говоря словами Ильина, но и здешним «ответственным» за выбор магистрального пути новой России, а также номенклатурным работникам наших «общественных наук». Рассуждая о построении образования в Российской Федерации, как направляющие его деятели, так и комментирующие их решения публицисты три десятка лет выбирают между «западным» и «советским», то «синтезируя», то разводя их, однако совершенно не желая использовать опыт отечественного (но досоветского) просвещения.

Хотя еще основатель факультета социологии Гарвардского Университета П. А. Сорокин писал о лучшей в мире в начале XX в. системе русского высшего образования, которой отдавал предпочтение — в силу бóльшей свободы — перед американской. Уже упомянутый выше Ильин много страниц посвятил тому, какой должна быть будущая — настоящая — русская наука.

Однако до сих пор абсолютному большинству студентов-филологов у нас куда больше известна, к примеру, работа В. Я. Проппа о волшебной сказке (как же: её отметил «сам» К. Леви-Стросс!), нежели рассуждения о духовном смысле русской сказки Ильина. Вышеизложенное объясняет тот

факт, что когда — значительно позже других «возвращенцев» — «правые», по известной терминологии, Шмелёв и Ильин стали (усилиями нескольких энтузиастов) постепенно выходить из того интеллектуального гетто в новой России, куда их изначально заботливо поместили конвоирующие русскую культуру здешние деятели, это вызвало сначала беспокойство, затем сопротивление, а наконец и прямые нападки и обвинения...

Нужно признать, что за вычетом некоторых значимых исключений из общего ряда аксиологический подход к русской литературе и русской истории в западной университетской среде — в своих основных оценочных параметрах — часто, слишком часто, смыкается с её советским истолкованием, при котором русская литература (да и в целом культура) воспринимается позитивно, когда она соответствует если не революционно-демократической мифологии, то, во всяком случае, логике «левого мифа».

Если же отечественную литературу истолковывают иначе, отвергая миф о русской действительности как «средоточии косности, невежества, рабской покорности», такие интерпретации трактуются как «идеализация» русской жизни, при этом агрессивно замечается, что «этот миф стал фатально и неотвратимо соприкасаться с программой тотального разрушения русского социума и русской культуры» (В. Е. Хализев).

И сколько бы ни пытался, героически пытался, например, А. И. Солженицын, используя свой авторитет русского патриота у себя на Родине и в мире, отделить русское национальное от советского интернационального, увы, и ему в полной степени так и не удалось ощутимо поколебать доминирующую донныне логику леволиберального мифа, подкреплённого в последние годы девятым валом новых поношений исторической России и в целом русского мира.

До того — и так же, в общем, безуспешно, пытались «оправдать» Россию многие культурные деятели первой русской эмиграции, указывая на неправомерность поношения русских за «советский интернационализм», от которого сам русский народ и пострадал сильнее всякого другого.

Нынешние споры о «красном» и «белом» (по этой терминологии, Шмелёв несомненно «белый») нужно поставить в правильный ракурс понимания. Для начала нужно хотя бы признать очевидное. Одни выступали против патриотизма (по факту: именно русского), за Мировую Революцию (чтобы существовать «без России и без Латвии» интернациональным «человечьим общежитием», как честно сформулировал лучший поэт советской эпохи), иными словами,

были адептами интернационализма-глобализма. К исторической России они относились так, что на пятнадцать лет после своей победы запретили преподавать русскую историю, русскую литературу, ликвидировав даже русскую топонимику, в том числе само имя России.

А другие — плохо или хорошо — но пытались отстоять родину, а не насадить утопию, глобалистский марксистский «проект». Это были патриоты именно России (а не чего-то другого, утвердившегося взамен России, но присвоившего себе русское богатство).

Тот образ, который мерцает на страницах «Богомолья» и «Лета Господня» — это образ соборной, православной России. Он не «идеален» (так, на первых же страницах шмелёвского пасхального романа в Чистый Понедельник мы слышим сердитый крик отца маленького героя), там изображаются не святые, а грешники (странно, что этого не желают видеть те, кто уличает писателя в «идеализации»), но такие грешники, которые осознают или хотя бы чувствуют свою греховность, ибо в их «культурном бесознательном» наличествует тот национальный идеал, который имеет вполне определенное название — святость (отсюда и «Святая Русь»).

А проблемой эта шмелёвская, а точнее, наша Россия является для тех, кто на дух не переносит этот идеал, стремится трансформировать его во что-то иное, имеющее иные корни, нежели тысячелетняя русская православная традиция.

Когда потоком идут казённые «духовность», «нравственность», «патриотизм», «дружба народов» (как это уже было в позднем Советском Союзе), но сознательно стёрты и затушеваны отличительные черты православного христианства, когда даже в пасхальном поздравлении официальные лица порой избегают произнести слова «Христос Воскресе!», да и само слово Христос.

Шмелёв — певец вечной России, той самой России, которая не только «загубила» превосходнейший марксистский «проект»-эксперимент, но и никак не отвечает декларируемым стандартам нынешнего малого времени.

Отсюда и нынешнее ожесточение «хозяев дискурса», направленное на Шмелёва, который смог нам художественно передать нашу **воцерковлённую Родину, именно потому что его творчество является золотой нитью связывающей русских с исторической Россией, с подлинным русским миром, а не фальшивой его имитацией.**

Шмелёву теперь торопится некуда. Он вернулся в Россию, точнее, вернул нам Россию. А что мы не вполне способны взять утраченное... Шмелёв теперь сам уже может выбирать будущие поколения. Наверное, они впереди. Будем надеяться.

АНТИРУССКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ

Советчина была насаждена в России Красной Армией. Что принесли красноармейцы нашей стране?

1. Отмену института частной собственности, ограбление работающих в пользу городских и сельских люмпенов, иждивенцев и бездельников, как следствие - всеобщую нищету.

2. Аристоцид и меритофагию - худшие формы социального геноцида, поскольку осуществлялся он не против народов, а против лучших из лучших представителей населения России - вековых родовых воинских элит, потомственной интеллигенции, семейных династий духовенства, потомственного купечества.

3. Политику уничтожения православной веры.

4. Андрокрид - создание социальных и экономических условий, провоцирующих раннюю смертность мужской части населения. В РФ мужчины живут меньше женщин на 10-20 лет.

5. Уничтожение традиционной семьи как неравноправного союза мужчины и женщины, который практически невозможно расторгнуть, замена его временными утилитарными союзами современного типа, как правило недолговременными и всемерно контролируемые государством.

6. Покровительство лже-наукам вроде исторического материализма и лысенковщины, разгром настоящих наук - истории, археологии, литературоведения, генетики. Покровительство низким пролетарским искусствам, таким как лубочный соцреализм, гонения на настоящие человеческие искусства.

В РФ память красноармейцев чествуется дважды - 23 февраля и 9 мая. Очевидно, что культ почитания красноармейцев несовместим с тысячелетними нормами человеческой нравственности и морали, ведёт к деградации общества и семьи, упадку религии и науки, воспроизводству уголовных по характеру своих деяний политических и экономических элит.

Государства, в которых этот культ поддерживается властью, являются преступными государствами по существу, их правовой статус не выше статуса крупных национальных Организованных Преступных Групп, а русской общенациональной целью в отношении этих опасных для мира образований является их скорейшее упразднение и воссоздание Христоролюбивого Воинства Российского.

А. Григорьев

Государь Император Николай II не был «лузером»

Почему у сторонников советской власти (или у путинистов, или у коммунистов, или у левых, или у либералов) такую ненависть вызывает именно Царь Николай II, запомнившийся русским учреждением первого народного представительства, дарованием народу гражданских прав и свобод, бурным экономическим ростом, стремительным распространением грамотности, непревзойдённой культурой Серебряного Века, снижением смертности и успешным ведением самой важной и нужной войны в отечественной истории?

В СССР люди привыкли, что государство - это гири на ногах у общества. Да и сейчас государство тормозит развитие общества и тянет его вниз.

Поэтому там трудно представить, что в Российской Империи всё было наоборот - государство было куда более развито, нежели общество. Российская Империя - это Европа экстра-класса. Она пыталась вытянуть общество на свой уровень, но не смогла.

Представьте ситуацию: вы учреждаете суд присяжных, а присяжные начинают оправдывать террористов, которые вас убивают. Или вы учреждаете парламент, а депутаты воруют санитарную технику в туалетах и призывают к беспорядкам. Или вы предпринимаете экспансию в интересах России, а у вас в столице начинаются забастовки на оборонных предприятиях, переходящие в вооружённые мятежи. Почему?

А почему некоторые подростки бунтуют против взрослых?

Это было неопытное общество, которое увлеклось несусветными глупостями (вплоть до марксизма), верило неправдоподобной лжи (вплоть до распутинаны) и творило невероятные вещи (вплоть до поддержки революции в разгар войны). Но была надежда, что за истекшие 100 с лишком лет русские люди всё же поумнели. Хотя бы до такой степени, чтобы понимать, кто был кем и кто что делал 100 лет назад. Однако нет. Есть люди, которые Царя Николая Второго дальше обвиняют, в частности в том, что он «ввязал» Россию в Первую мировую войну и её проиграл.

Критика вступления России в Первую мировую войну вызывает недоумение. Это была одна из наиболее важных, возможно - самая важная война во всемирной истории. От её результатов до сих пор зависит положение основных стран и народов в этом мире. Даже Вторая мировая тут изменила не так много, как кажется. Она была не только в пять раз кровопролитнее, но и в

десять раз бессмысленнее Первой.

По большому счёту, Вторая мировая вообще была не нужна никому, кроме американцев. Зато Первая была сражением богов с титанами. Собственно, в ней и определялось, кто станет богом и будет править миром, а кто отправится в преисподнюю в качестве побеждённого титана.

Русские сражались в этой войне, как боги. Тут можно было бы вспомнить Черчилля, писавшего, что в 1914 году Россия спасла Париж, а в кампанию 1917 года вступила непобедимой. А можно обратиться и к менее поэтичным, но более конкретным цифрам.

Боевые потери русской армии убитыми в боях (по разным оценкам от 775 до 908 тысяч человек) соответствовали таковым потерям Центрального блока как 1:1 (Германия потеряла на русском фронте примерно 300 тысяч человек, Австро-Венгрия - 450 и Турция - примерно 150 тысяч). Доля мобилизованных в России была наименьшей - всего лишь 39% от всех мужчин в возрасте 15-49 лет, тогда как в Германии - 81%, в Австро-Венгрии - 74, во Франции - 79, Англии - 50, Италии - 72. При этом на каждую тысячу мобилизованных у России приходилось убитых и умерших 115, тогда как у Германии - 154, Австрии - 122, Франции - 168, Англии - 125 и т. д.), на каждую тысячу мужчин в возрасте 15-49 лет Россия потеряла 45 человек, Германия - 125, Австрия - 90, Франция - 133, Англия - 62; наконец, на каждую тысячу всех жителей Россия потеряла 11 человек, Германия - 31, Австрия - 18, Франция - 34, Англия - 16. Добавим еще, что едва ли не единственная из воевавших стран, Россия не испытывала никаких проблем с продовольствием.

Германский «военный хлеб» образца 1917 г. в России и присниться бы никому не мог. «Ходынка и Цусима» - это ерунда, дежурная пропаганда. А вот миф о проигранной царём-лузером мировой войне - это ключевой советский миф. Он даже важнее для советских, чем достигающий масштабов религиозного культа миф Второй Мировой. Царь гарантировано выигрывал войну и получал суперприз.

Февральская революция была глупостью космического масштаба, февралистов союзники просто кинули бы. Но кое-что всё же получили бы и февралисты, примерно как итальянцы, рассчитывавшие на Далмацию и треть Анатолии, но получившие кусочек Тироля и Додеканес.

Может быть, при февралистах России достались бы Галиция и кусочек Армении. Однако измена, совершённая большевиками, не поддаётся осмыслению. Вопрос не в том, за каким чёртом Россия вступила в Первую мировую войну, вопрос в том, за каким чёртом большевики вывели её из войны, когда победа была уже в руках.

Не хватит жизни, чтобы понять, как кто-то может быть способен на такие вещи; прецедентов или аналогов Брестского мира в истории человечества не было и, вероятно, не будет. Из Брестского позора проистекают все последующие ужасы советской истории, включая потерю 27 миллионов во Второй мировой. И столетняя советская истерика по поводу Царя Николая

II и Первой мировой войны - это попытка оправдать то, чему не может быть оправдания.

Иуда Искариот побрезговал бы большевиками из-за их предательства.

Русские должны восстановить своё культурное пространство. Свою национальную идентичность. Свою историческую память. Русские должны перезаключить свой общественный договор. И для советских безумств и подлостей ни в русском культурном пространстве, ни в русском общественном договоре не должно быть места.

Беснование советофилов, - это попытка ведения культурной войны в том смысле, в каком в США идут культурные войны между правыми и левыми. Однако в России культурной войны не будет ввиду недееспособности противника.

Выросшие в СССР настолько привыкли ко всяким советским мерзостям, что иногда даже не замечают, насколько же они отвратительны и позорны. Но вы попробуйте взглянуть на красную истерику касательно цареубийства глазами молодых. Картина будет такая: людоеды убили четырёх принцесс и принца - и сто лет чавкают, обглаживают их кости. С такими не воюют, им ставят диагнозы.

В РФ с социологией всё сложно, но сочувствуют Императору Николаю II, повидимому процентов 70-75, и эта цифра столь низка лишь благодаря 100-летней бешеной антиромановской пропаганде. В норме ему сочувствовали бы процентов 90.

А отречение от престола никак не характеризует Государя. Если толпа, обычно тусующаяся в принадлежавших герцогу Орлеанскому - Филиппу Эгалите - садах Пале-Рояль, вдруг направляется на штурм Бастилии, это характеризует герцога Орлеанского, а не Людовика XVI.

Какие были возможности править дальше, если некоторые великие князья решили поиграть в коллективного Эгалите (со всеми вытекающими из этого последствиями). С такими вещами обычно ничего невозможно сделать.

Вообще-то существует такое понятие как соотношение сил.

Не Царь Николай II не удержал, а Россия с катушек свалилась.

Причём генералы Алексеев и Рузский отвечают за свои действия и последствия своих действий. У них не было ни одной приличной причины для того, что они сделали. Никаких причин для участия в заговоре у них не было и любой суд признал бы их изменниками. Государя свергло не стихийное бедствие, а конкретные люди, совершившие конкретное действие, будучи во вменяемом состоянии.

Революция - это всегда катастрофа, всегда гибель цивилизации, всегда ад на земле. Нам, не пережившим такое, иногда невозможно даже догадаться, какими мотивами руководствовались люди в то время.

Лжесвидетельства бывают самые разные, порождённые всевозможными мотивами и обстоятельствами, они могут исходить от кого угодно и существовать в любых количествах.

Во-первых, любые сведения о свергнутом монархе (любом), исходящие от тех, кто был как-то причастен к его свержению, следует считать *фейком* по определению.

Во-вторых, любые сведения,

опубликованные в СССР, в общем случае тоже следует считать *фейком*. Эту страну создали сектанты-утописты, принципиально игнорировавшие реальность и с религиозным фанатизмом подстраивавшие её под свои представления.

В-третьих, из вышесказанного проистекает, что сведения, исходящие от путчистов и подтверждённые красными - это уже *фейк* в квадрате. А потом уже можно вникать в детали.

У Государя было три выигранных войн, а не три проигранных. А именно: разрешение Критского кризиса, подавление Боксерского восстания, вмешательство в гражданскую войну в Персии.

Проиграл же Царь только Русско-Японскую. Мировую войну ему завершить не дали, а уж вешать на него Гражданскую войну и вовсе абсурд.

Что касается самой Русско-Японской войны, то неплохо написал Лиддел-Гарт: "Никогда за всю историю ни одна армия не зависела от такой растянутой линии коммуникаций, причём эта зависимость ещё более усиливалась из-за большой численности войск, втянутых в войну. Однако японские стратеги не придумали ничего лучшего, как нанести прямой удар по русской армии. Группировка японских войск была более компактной, чем у Мольте в 1870 г. Правда, японцы пытались осуществить некий маневр до Ляоянского сражения, а после, войдя в соприкосновение с русской армией, несколько раз пытались обойти её с фланга. Однако, хотя эти обходные маневры и выглядят на карте сравнительно глубокими, на самом деле они были чрезвычайно ограниченными, если учесть те силы, которые в них участвовали. К тому же японцы не располагали «свободной» армией, как это получилось по случайной случайности у Мольте, не было у них и ловушки, подобной Мецу, а также такого полководца у их противника, как Мак-Магон, который попался бы в эту ловушку. Напротив, японцы, мечтавшие повторить Седан, сами попали в ловушку, решив захватить Порт-Артур. Последовал ряд длительных кровопролитных боев, не давших решительных результатов. Японцы были настолько истощены в результате последнего безуспешного сражения под Мукденом, что были рады заключить мир с русскими, которые вели войну без всякого воодушевления, не втянув в неё и одной десятой доли своих наличных сил."

В Англии 14 июля 2018 года некто Хуснайн Рашид был приговорён к пожизненному заключению за подготовку покушения на принца Джорджа, старшего сына герцога Кембриджского Уильяма.

Вслед пришло сообщение, согласно которому в тюрьме Стрэнджвей, в Манчестере, сокамерники рассекли напополам лицо Хуснайна Рашида бритвой.

Журналистам заключённые сказали, что этот Хуснайн тут никому не нравится, и что они не будут терпеть в Стрэнджвей того, кто злоумышлял против маленького принца. Блаженна страна, где даже заключённые от всего сердца любят свою королеву и её семью. И соблюдают традиции.

Б. Моравин

НЕЗАУРЯДНЫЕ СОТРУДНИКИ "НАШЕЙ СТРАНЫ"

ОФИЦЕР БАТАЛЬОНА СМЕРТИ И МАРКОВЕЦ

К 75-летию газеты

Имя писателя Григория Валериановича Месняева почти неизвестно на родине: его литературный дар открылся на чужбине.

Он сражался в «батальоне смерти» в Первую Мировую войну и в полку генерала С. Маркова в Гражданскую. Эти события нашли отражение в его повести «Давнее».

Происходил из мелкопоместных дворян Тульской губернии и был определён родителями в Орловский-Бахтина кадетский корпус.

Месняев вспоминал: «Директор корпуса, инспектор классов, в меньшей мере ротные командиры, для крошечного кадета, только что переступившего корпусной порог, были чем-то вроде небожителей».

Другое дело офицер-воспитатель, под постоянным наблюдением которого кадет находился с утра до вечера. «Он его карал и миловал; когда нужно, распекал, а когда нужно, говорил с ним по душам; писал письма родителям и знал семейные условия всех своих питомцев; он руководил их интересами, читая вслух во время «пустых» уроков, водил их в театр, на прогулки, в город».

Любовь к Царю и Отечеству мальчики впитывали из окружающего их мира. Картинки на стенах рассказывали о героизме русских солдат. Корпусное знамя хранилось в николаевских времён как бесценная реликвия. Песня о подвиге крейсера «Варяг», с гордостью распевалась на уроках пения и на плацу. Встреча юных кадетов с Императором Николаем II, прибывшим весной 1904 года в Орёл для проводов на войну 51-го Черниговского драгунского полка, осталась незабываемой.

Литературные и исторические симпатии воспитанников определялись подбором книг в ротных библиотеках, где рядом с литературой по военной истории стояли каразинская «Наталья, боярская дочь», романы Загоскина и Лажечникова, произведения Лескова и Толстого. Из прочитанного мальчики «извлекали то, что рождало и укрепляло восхищение и гордость Россией. «Ни Базаров, ни Волохов и не Рудин не были нашими героями. Николай Ростов, Андрей Болконский, севастьяпольские и кавказские солдаты – вот кто пленял нас», – писал Месняев.

В 1909 году Григорий Месняев поступил на юридический факультет Киевского Университета, окончив который, начал работать в Нежинском Окружном Суде.

Спокойная гражданская жизнь

продлилась недолго: вмешалась Первая Мировая война. Его призвали в армию и направили для обучения в Виленское Пехотное Юнкерское Училище.

С вступлением России в войну училище было эвакуировано в Полтаву, и вместо трёхлетнего в него ввели ускоренный, четырёхмесячный курс обучения. Училище издавна слыло строгим: девиз «Виленец – один в поле и тот воин» не был пустыми словами. Большинство юнкеров уже имели за плечами курс начального военного образования и с нетерпением ждали отправки на фронт. Несмотря на то, что люди в стенах училища собрались совершенно разные, всех их связывал патриотический дух и готовность выполнить перед Россией свой долг. «Недаром же, – рассуждал Григорий Валерианович, – в революционные дни, когда русские люди испытывались в своей верности отчизне кровью и потом, – юнкера краткосрочных курсов, в своём большинстве, оказались в числе верных».

Осенью 1916 года шло Брусиловское наступление, победа казалась не за горами. Воинскую присягу виленцы принимали на легендарном поле Полтавской битвы. Долгожданное производство юнкеров в прапорщики армейской пехоты состоялось 1 октября.

После молебна священник раздал маленькие серебряные образки с изображением святых Козьмы и Дамиана – благословение Виленского Военного Училища на предстоящий тяжёлый путь.

Торжественную церемонию завершило громкое «Ура!» Государю-Императору Николаю II.

Новоиспечённым прапорщикам вручили памятные училищные знаки с изображением рыцаря на коне и словами «К высокому и светлому знай верный путь!».

«Девиз этот, – писал Месняев, – в сущности, мог быть полностью отнесён ко всему тому верному и непоколебимому, что составляло основу славной и могущественной Российской Империи».

Прапорщика Месняев зачислили в состав 152-го Владикавказского Пехотного имени генерала Ермолова полка и отправили на Северный фронт. Он был дважды ранен, произведён в поручики.

Февральская революция в одночасье порушила всё, чему он был предан и служил. Повсеместно началось разложение армии.

В июле 1917-го Месняев по собственному желанию вместе с несколькими офицерами полка перешёл в «батальон смерти» 38-й дивизии. Его батальон вошёл в состав 1-го корпуса 5-й армии и участвовал 8–11 июля в боях у деревни Турмонт юго-западнее Двинска. Бойцы, с одной стороны, выполняли функцию ударников, с другой – закрывали тыл, препятствуя бегству с передовой солдат пехоты. Батальон шёл шестнадцатью волнами. Несмотря на жёсткий встречный огонь, удалось занять три линии немецких окопов. Перед последней колючая проволока оказалась не срезана, и солдатам-ударникам самим пришлось резать её под шквальными пулемётными очередями. Заняв с огромными потерями третью линию окопов, батальон залёг в

ожидании поддержки, но помощь не пришла. «Батальон смерти» оказался в ловушке, немцы простреливали его неприкрытые фланги и тыл. После полудня под перекрёстным огнём стали отходить, захватив с собой пленных.

После боя у Турмонта осталось менее 60% состава батальона.

Восстановившись, батальон продолжил сражаться в составе 2-го Сибирского Армейского Корпуса под Ригой. В августе 1917-го при оставлении Риги Месняев был очень тяжело ранен и эвакуирован в лазарет в Петроград. Здесь он пережил октябрьские события и, чуть окрепнув, решил во что бы то ни стало пробираться на юг. До него дошли сведения, что на Дону Добровольческая Армия ведёт борьбу с большевиками. Он твёрдо решил, что будет проситься в 1-й Офицерский Марковский полк, заслужившим славную репутацию участием в Ледяном и Втором Кубанском походах. С лета 1918 года в полку генерала С. Л. Маркова воевал его родной брат Пётр.

Однако белые, упорно сражаясь, вынужденно отступили на юг. Храбрым марковцам приходилось обороняться. 31 декабря они потеряли в боях под селом Алексеево-Леоново две трети бойцов. В январе 1920 года, восстановив поредевшие ряды, крепко встали на позициях южнее Ростова. При отступлении армии Деникина вглубь Кубани снова потерпели серьёзное поражение в бою у станицы Ольгинской. Полковое командование приняло решение идти в Новороссийск. Там поручик Месняев в беспамятстве свалился в сypняке. В марте 1920 года вошедшие в состав 1-го Армейского Корпуса части марковцев ушли из Новороссийска морем в Крым.

После тифа, осложнённого воспалением лёгких, возвращение к жизни проходило долго и мучительно. За то время, что Григорий Месняев был при смерти, карта Дона «покраснела». Говоря словами героя повести «Давнее», «дело было даже не в том, что он, совершенно беспомощный, слабый, раздетый, без копейки, очутился в смертельной опасности, лицом к лицу с неумолимым врагом. Это, конечно, было очень страшно, но ещё страшнее было то, что он непреодолимой силой был переброшен во вражеский стан, что он не только не мог уже продолжать борьбу с теми, кого он продолжал люто и кровно ненавидеть, но должен был как-то к ним приспособляться, заматывать перед ними свои следы, и, хотя бы только внешне, отрекаться от всего того, без чего он не представлял своей жизни».

С невероятным трудом, прячась во время частых чисток ЧК бывших белогвардейцев, Месняев добрался до Ростова, где у него оставались родственники и друзья. Здесь он прожил двадцать три года.

Ему удалось выправить документы и устроиться на службу, но своих убеждений никогда не менял, искренне считая, что «монархия сама по себе, самим фактом существования порождает и культивирует в обществе высокие идеалистические понятия» («Воспоминания о семье Кондратовичей-Молявко-

Высоцких», рукопись, 1964).

Трагические события Гражданской войны сменили «мрачные, серые и беспросветные дни так называемого периода военного коммунизма». Ростовчане бедствовали. С провозглашением НЭПа город облегчённо вздохнул, жалованье служащих получило, наконец, какую-то ценность. «Но на смену НЭПу пришли времена сплошной коллективизации, первой и последующих пятилеток.

Кубань, да и в значительной степени Дон, вымирали от голода и стонали от невиданных ужасов раскулачивания, массовых выселок на север, арестов, расстрелов и всего того, что стало страшной действительностью для несчастного русского народа. Город тоже голодал и тоже трепетал перед непонятной по своей жестокости властью. Магазины опустели. В хлебных очередах, в которых по возродившимся карточкам выдавали ничтожные пайки какого-то суррогата хлеба, стояли мрачные, серые фигуры, отворачиваясь от протянутых рук умирающих крестьян, дотащившихся до города из разорённых станиц и сёл. Деньги опять потеряли свою ценность; в магазинах на них нечего было покупать, а на базарах продаваемые из-под полы продукты стоили бешеные деньги. Однако, имеющие богатый опыт советские граждане так или иначе, затянув потуже пояса на отошавших желудках, но как-то изворачивались. Кто нёс в «Торгсин» серебряные ложки и последние портсигары и покупал там крупу и муку; кто продавал на толкучке простыни и наволочки; кто, набрав совместительств, где только можно было, с утра до поздней ночи корпел в разных уч-реждениях, выколачивая лишнюю копейку для голодной семьи».

Во второй половине 1920-х и в 30-е годы Месняев работал в системе здравоохранения и занимался вопросами развития в крае курортологии. Белогвардейское прошлое висело над ним дамокловым мечом. Регулярно приходили сообщения об арестах знакомых и незнакомых ростовчан. Наконец, репрессивная машина дотянулась и до семьи Месняевых. В 1937-м году в Куйбышеве арестовали и посадили родную сестру Клавдию Валериановну и расстреляли её мужа, профессора филологии.

После нападения Германии на СССР затеплилась надежда, что, как когда-то немцы, оккупировав в 1918 году Украину, освободили её от большевиков, так и теперь «немцы низведут нас на степень захудалой провинции ... но свободы-то всё-таки будет больше. Останутся Пушкин, Чайковский, их-то немцы не тронут. Останется родная природа, родной язык, и, может быть, пред древними алтарями зажгутся вновь свечи».

Встреча с первым немцами произошла 21 ноября 1941 года.

«Любопытные обыватели, преодолевая страх, толпились на тротуарах, наблюдая мчавшихся на мотоциклах немецких солдат в серо-зелёных шинелях, пилотках и наушниках. Они были подтянуты и щеголеватые, но чувствовалось, что одеты они не по русской зиме и что их тонкие шинели, бумажные перчатки и наушники не защитят

от неистовых степных ветров и жгучих морозов. У немцев были холодные и безразличные глаза, как будто не видевшие жадно смотревших на них подсоветских людей, их небритых и измождённых лиц, потрёпанных и выцветших пальто с протёртыми воротниками, шапок-ушанок и разбитых галош».

Очень скоро жестокая действительность развеяла иллюзии. «Первый же день пребывания немецких солдат в городе ознаменовался страшными событиями. Распространилось известие о массовом расстреле эсэсовцами всего населения большого дома на границе с Нахичеванью, из окон которого был сделан выстрел по немецкому мотоциклисту».

В последующие дни число жертв эсэсовцев росло, и ростовчане нередко становились свидетелями убийств в карательных целях.

В ходе контрнаступления части Красной Армии через восемь дней заняли Ростов. «Осторожно и боязливо вернулось в город начальство», спешно бежавшее перед приходом войск вермахта.

Правда, уверенности в собственной безопасности у работников высоких кабинетов не было. «В десятке вёрст от Ростова, на укрепленных таганрогских позициях, у ставшего знаменитым Самбека, о который неизменно разбивались атаки красных, железно стояли немцы. Однако делать было нечего, и пришлось восстанавливать в Ростове давшую большую трещину советскую власть. Военкомат занялся дезертирами, НКВД со своими филиалами – врагами народа».

Ранним утром 25 июля 1942 года внезапно прервалась бомбардировка Ростова. В город снова вошли немцы. «Отставшие красноармейцы в пропотевших, грязных защитных гимнастёрках, голые и отупевшие, забегали во дворы и подъезды настороженно молчаливых домов, просили цивильную одежду, торопясь переодевались, жадно пили воду и, бросив винтовку в ближайшую щель, растворялись в серой массе городского населения». По Садовой лавиной катились немецкие войска.

«Громадные серые грузовики, в которых правильными рядами сидели обгорелые и обветренные солдаты в серых касках с ружьями между колен; низко сидящие легковые автомобили с щеголеватыми и надменными офицерами; громадные жёлтые, переброшенные из Африки, танки “Тигры”, походные кухни, лазаретные автомобили, день и ночь с однообразным шумом моторов, двигались на юг, через Дон и дальше. Всё это не было похоже на слабый отряд, залетевший полгода назад в город. Это уже было нечто несокрушимое, поражающее воображение и рождающее представление о железной поступи легионов Цезаря».

Месняев вспоминал, что солдаты Вермахта жестокостью не отличались. Исключением стало варварское уничтожение еврейского населения. «Еврейская трагедия поразила сильно русскую совесть».

Планам немцев сбыться было не суждено. «Слухи о неудачах немцев, о прорывах на фронтах, об итальянцах и румынах, не выдерживающих русской зимы и

бросающих свои позиции крепки с каждым днём. Стали проникать какие-то соблазнительные слухи о благодеятельных переменах, произошедших у Сталина, смущавшие простые сердца и заставлявшие их забывать страшное прошлое и надеяться на обманчивое будущее. Одновременно Ростов стал подвергаться ночным налётам советских самолётов».

И как в далёком 1919-м, молодой поручик Месняев принял решение прорываться на Дон, к своим, так и теперь, он с женой и 12-летним сыном решил вырваться из оккупированного Ростова и, чего бы это ни стоило, попасть в свободный мир, в котором никогда больше не придётся прятаться и скрывать своё прошлое, мысли и убеждения.

С чемоданами, взваленными на самодельные санки, они добрались до разрушенного ростовского вокзала. Мимо проходили длинные составы, гружённые автомобилями, военным имуществом, лесом и углём. На выщербленном осколками бомб перроне суетились закутанные в платки, башлыки и шарфы люди с узлами и чемоданами. Время от времени кто-то из них цеплялся за проходящий открытый вагон, закидывал вещи, подсаживал женщин и детей.

На одной из таких открытых платформ товарного состава, идущего на запад, разместились Месняевы. Прощай, Ростов!

Новый, 1944 год, Григорий Валерианович с семьёй встретил в городке Нойеравенбург. Вместе с другими покинувшими родину русскими, он пилил на деревянной фабрике брёвна. То, что Месняевы добрались до Баварии в 1944 году, решило их дальнейшую судьбу. С приближением победы опасность попасть в советскую зону оккупации и быть депортированными обратно в Советский Союз становилась реальностью. Согласно послевоенному разделу Германии, определённому на Ялтинской конференции и уточнённом в Потсдаме, Бавария досталась французам и американцам. Месняевым удалось получить статус временно перемещённых лиц, Ди-Пи, с которым они прожили несколько лет в послевоенной Европе и в 1949 году, через шесть лет с начала скитаний, наконец, бросили якорь на другом берегу океана.

В США Месняев стал публицистом. В статье для парижского журнала «Возрождение», газеты «Наша Страна» и нью-йоркской газеты «Россия» он освещал культурную жизнь русской эмиграции. С начала 1960-х совместно с Г. Б. Александровским делил пост соредатора этой старейшей эмигрантской газеты.

В 1963 году Месняев возглавил Пушкинское Общество в Америке.

Главным делом своей жизни Месняев избрал проповедь русской культуры среди соотечественников, вольно и невольно оказавшихся вдали от родной земли, и молодого поколения, родившегося на чужбине. Он был убеждён, что корни русской культуры исходят из «самой формы жизни народа, его быта, обычаев, обряда, верований, во всей крепости его жизненного уклада. Православие является на-чалом и концом русской жизни и русского творчества. И только тот, кто до конца поймёт значение православия для русского народа, может понять: в чём заключается сущность

русского культурного типа».

Для него многогранная и многоцветная русская культура объединяла «блестящую плеяду имён знаменитых русских людей – творцов и деятелей на всех стезях русской национальной нивы» и «никому неизвестных, смиренных, скромных и богобоязненных русских иконописцев». Лепта Державина, Карамзина и Жуковского в родную культуру сравнима с вкладом безымянных авторов героических былин, мудрых народных сказок, творцов задушевной и раздольной русской песни. «Пословицы и поговорки, по глубине вложенной в них мысли, по меткости и лаконизму – могут спорить порой с отточенными афоризмами прославленных мыслителей и писателей». В архитектуре «дивное церковное зодчество старой Руси, тяжёлые, как шлемы, купола древних киевских, новгородских, владимирских и московских соборов стоят в один ряд с блистательным Санкт-Петербургом, воплотившим в граните и мраморе замыслы легендарного императора».

Гордость за Суворова и его солдат, прославивших Россию Альпийским походом, заставляет трепетать от восторга русские сердца не меньше, чем «звенящие строки “Медного всадника”» и «торжественная величавость пушкинского “Бориса Годунова”».

Первой книгой Месняева в эмиграции стал вышедшей в Буэнос Айресе в 1957 году сборник «За гранью прошлых лет», который условно можно разделить на две части. К одной, автобиографической, относятся «Кадетские годы», описывающие годы учения в корпусе Бахтина, повесть «Давнее» о пути русского офицера, во многом схожим с судьбой самого автора, и цикл рассказов-воспоминаний о советском периоде и жизни в Германии. Воспитанный на русской классической литературе,

Месняев знал и ценил поэзию; во вторую часть книги он включил произведения, посвящённые любимым авторам: очерк об Афанасии Фете, давший название всему сборнику с посвящением другу – писателю Борису Зайцеву, и повесть «Околдованный витязь» о жизни и творчестве графа Алексея Константиновича Толстого. Мастерски владея словом, начинающий писатель вывел запоминающиеся образы и характеры.

Тема поэта и поэзии продолжилась повестью «В панцире железном», вошедшей в сборник «Поля неведомой земли», Месняев обратился к близкому по духу Николаю Гумилёву задолго до того, как с имени этого поэта был снят запрет и литературоведы с энтузиазмом взялись за его биографию и творчество.

Штурм и взятие генералом М. Д. Скобелевым текинской крепости Геок-Тепе посвящена вторая повесть из сборника. Взгляды «Белого генерала» (так называли Скобелева за пристрастие к белой военной форме и белым коням) на роль России в славянском мире и на пути достижения российского величия совпадали с позицией автора. Убеждённый в том, что «война – самое высшее и достойное проявление и общей, и его личной жизни», Скобелев

олицетворял для Месняева поэтику войны. Название повести о Скобелеве и всей книге дала строка из стихотворения Гумилева «Туркестанские генералы».

Особо он выделял героическую войну русского народа с Наполеоном. Месняев задаётся вопросом: «Почему в памяти народной война 1812 года запечатлелась в светлом поэтическом ореоле?», и даёт ответ: «Война с французами была высшим проявлением русского патриотизма и гордости». Несмотря на то, что он был участником одной из самых кровавых войн в истории человечества войн, Месняев романтизировал войны и не разделял пацифистские взгляды современных ему писателей Анри Барбюса, Ремарка, Хемингуэя, выражавших «преувеличенный ужас перед войной».

Последним законченным произведением Месняева стал исторический роман «По следам минувшего». Прототипом главного героя писатель сделал своего дальнего пращура Ивана Петровича Месняева, перенеся историю его жизни на несколько десятилетий вперёд.

Действие начинается в 1812 году. Когда главный персонаж романа Пушешников возвращается на родину, убеждается, что нет ему ничего дороже «подлинной Руси, той самой, что живёт в нём с той поры, как открылись его глаза, что неотделима от него, что безмерно ему мила и близка». «Родное, своё, русское православное, – обступило со всех сторон, обволокло, растворило в себе, заговорило в душе понятным, близким языком».

Идеалом для Пушешникова является патриархальная «привычная многовековая жизнь», которую «нельзя сдвинуть, не поколебать».

Потому он не приемлет «смелые мысли о вольности, о потребных переменах в образе правления, о закосности народа, о рабстве крестьян и о тяжёлой доле солдата», начавшиеся зарождаться в головах просвещённого общества после окончания войны с Наполеоном и приведшие к восстановлению декабристов. «Что за вздор! – возмущался он. – Разве все мы, мои дед, отец и я сам, не служили своему Государю? Разве мы не подчиняемся ему и начальству беспрекословно, готовые жертвовать ради отечества своим достоянием и даже жизнью? Так почему же крестьяне не должны служить господам, как служим мы Государю?».

В преданном служении государству и царю видит герой романа смысл своей жизни. В его понимании Государь-Император «даже и не человек, в обыденном смысле этого слова, – это особое существо, высшее, почти сверхъестественное, представляющее собой Россию, её величие, мощь, славу и побуждающее и его и всех русских людей безропотно идти на подвиги и жертвы».

Книга, написанная с «бодрым подъёмом» и «воинским восторгом», декларирует главное предназначение русского дворянина: «Война как определённое с детства поприще» и проповедует преданность монархии.

Скончался Григорий Валерианович Месняев в 1967 году в Нью-Йорке и был похоронен на кладбище Новодивеевского монастыря.

Е. Фокин